

К истории суффиксов *-влак* и *-влӓ* в марийском языке

Суффикс *-влӓ* встречается главным образом в горном наречии. Здесь он является единственным показателем множественного числа и употребляется: 1) для выражения множества однородных предметов: *эдемвлӓ* «люди». В этом случае суффикс *-влӓ* по значению и употреблению совпадает с показателями множественного числа *-шамыч* и *-влак*; 2) для выражения групповой множественности: *ӓвӓмвлӓ* «моя мать и те, кто с ней». Кроме горного наречия, суффикс *-влӓ* встречается в отдельных говорах северо-западного наречия и выражает обычно множественность однородных предметов: *имнивлӓ* «лошади». В этом заключается разница между горным и северо-западным наречиями в употреблении суффикса *-влӓ*. Помимо *-влӓ*, в северо-западном наречии встречаются и другие показатели множественного числа: *-шамыч* (*-шац*), *-мыт* (*-мзт*), *-ла* (*-лӓ*), *полык* (8: 100–102). Это естественно ограничивает сферу употребления суффикса *-влӓ* в северо-западном наречии по сравнению с горным.

Суффикс *-влак* является одним из показателей множественного числа в марийском литературном языке. Он встречается в говорах восточного наречия и имеет широкий спектр грамматических значений:

- 1) выражает множество однородных предметов: *е-влак* «люди», *книга-влак* «книги». В этом значении суффикс *-влак* по употреблению совпадает с суффиксом *-шамыч* литературного языка;
- 2) выражает групповую множественность: *авам-влак* «моя мать и те, кто с ней». В литературном языке и отдельных марийских говорах значение групповой множественности передается при помощи суффикса *-мыт*;
- 3) используется для совокупного обозначения жителей того или иного населенного пункта или целой территории, расположенной вокруг него. В этом значении *-влак* присоединяется к названию населенного пункта: *бор-влак* «жители дер. Бор» (11: 82). Типологически сходное употребление характерно также для суффикса *-шамыч* в некоторых говорах лугового наречия: *шернур-шамыч* «жители Сернура (или Сернурского района)».

В отдельных говорах восточного наречия (к таким можно отнести елабужский и малмыжский) вариантом суффикса *-влак* является *-лак*, ср. елаб. *кийарлак* «огурцы» (9: 70–71); малм. *комбулак* «гуси» (15: 74). В елабужском и малмыжском говорах суффикс *-лак* может присоединяться к вещественным и отвлеченным существительным, которые в литературном языке, как правило, употребляются только в форме единственного числа: елаб. *ойго* «горе» – *ойголак* (9: 71); малм. *вӱт* «вода» – *вӱтлак*, *могӱремлӓк* *корштат* «тело (мое) ноет» (15: 74). Суффикс *-лак* встречается в речи жителей некоторых деревень Мари-Турекского района, объединенных Л. П. Грузовым в сардаяльско-арборский говор. Здесь местоимение 3-го лица множественного числа в отличие от литературного языка, в котором

оно представляет собой супплетивную форму (ср.: тудо «он, она, оно» – нуно «они»), образуется от местоимения 3-го лица единственного числа при помощи суффикса -лак: mhđh «он, она, оно» – mhđhлак «они» (7: 147). Типологически сходные образования характерны и для венгерского языка: ő «он» – őк «они».

Относительно происхождения суффиксов -влак и -влӓ существуют разные мнения. Все предшествующие исследователи считали -влак и -влӓ вариантами одного и того же показателя множественного числа. Этот подход сделал проблему их происхождения почти неразрешимой.

История вопроса

Насколько нам известно, впервые к проблеме происхождения -влак и -влӓ обратился Э. Беке. Он в своей «Черемисской грамматике» писал, что данные суффиксы восходят к самостоятельному слову, которое, как показывает -влӓ в горном наречии, было переднерядным, а конечный к, сохраняющийся в восточном наречии, был утрачен (17: 171). Почти одновременно с Э. Беке вопрос об истории -влак и -влӓ исследовал Ю. Вихман. Он, как и Э. Беке, был убежден, что эти суффиксы восходят к самостоятельному слову. Таким словом, по его мнению, могло быть горномарийское пӱлә «много, значительно, порядочно», на базе которого в речи горных марийцев развился суффикс -влӓ, в восточном наречии к нему присоединился согласный -к, представляющий собой усилительную частицу: βлак < βла-ак (24: 17). Идею о генетической связи суффиксов -влак и -влӓ с самостоятельным словом пӱлә, которому в финском языке соответствует paljon «много» (ср. также тамиль. pala «много; разный»), позднее высказывал А. Аттин. Но он, в отличие от Ю. Вихмана, конечный -к в суффиксе -влак считал не усилительной частицей, а элементом множественного числа, который сохранился в венгерском и саамском языках. Фонетическое изменение пӱлә → влӓ А. Аттин объяснял следующим образом: глухой согласный п в интервокальном положении и после сонорных превратился в звонкий в, а гласный ү, возникший из *а, в безударном положении сначала подвергся редукции, а затем произошло его сокращение (1: 210).

Т. Уотила отрицал этимологическую связь -влак и -влӓ с горномарийским пӱлә, но утверждал, что слово, превратившееся в суффикс множественного числа, не подчинялось гармонии гласных, если исходить из горномарийского β9lä, и было двусложным, в середине которого мог произноситься редуцированный, имеющий тенденцию к выпадению. Об этом свидетельствуют фонетические варианты суффикса множественного числа, встречающиеся в диалектных записях А. Генетца и В. Поркки: β9lä (βlä); βлак (βUлак. βлак, плак). Из нескольких вариантов первоначальным Т. Уотила считал β9lä, с которым он сопоставил эрзя-мордовское v'e'ε «деревня, община, приход; пчелиный рой» и мокша-мордовское v'e'ε «деревня; пчелиный рой», а также саамское wallwe «волчья стая», vailve «стадо; стая волков». Для приведенных мордовских и саамских слов Э. Итконен в свое время (Vir. 1944. С. 363–365), как отмечает Т. Уотила, восстановил древнюю форму в виде *vilvā «толпа, гурьба, масса, множество». Эту праформу Т. Уотила считал исходной для марийского прототипа *βElä. Исследователь уверен в достоверности своей реконструкции. По его мнению, на почве марийского языка инлаутное v, имеющееся в vilvā, выпало подобно тому, как это, например, произошло в названии зимы (ср. мар. tel, tele – фин. talvi), а между

гласными первого и второго слогов в марийском, мордовских и саамском языках существуют регулярные звукосоответствия. Поэтому Т. Утила высказывал предположение, что слово *βElä, первоначально самостоятельное, могло иметь значения «толпа, гурьба; масса, множество», и в результате обобщения оно впоследствии стало употребляться в качестве суффикса множественного числа. Конечный -к, имеющийся в восточномарийском -βlak, он вслед за Ю. Вихманом склонен рассматривать как часть энклитической частицы -ак, которой в горном наречии соответствует -ок: βlak < βla-ак (24: 28–30).

Как видно, Э. Беке, Ю. Вихман, А. Аттин и Т. Утила считали, что суффиксы -влак и -влä восходят к самостоятельному слову. С этим общим мнением, очевидно, следует согласиться. Но все они в суффиксах множественного числа, считая их вариантами одного форманта, пытались найти составные части. В этом общем стремлении проявляется, несомненно, «атомизм» младограмматиков. Их учение в финно-угорское языкознание пришло, как известно, в 80-е годы XIX в. По словам Дь. Лако, первыми представителями младограмматического направления были Э. Сетяля в Финляндии, а в Венгрии – Ж. Шимони, учившиеся в свое время у профессоров Лейпцигского университета (18: 20). Младограмматическое влияние достаточно сильным пришлось на первое поколение компаративистов как в Финляндии, так и в Венгрии. В финно-угорском языкознании оно время от времени просматривается и в наше время.

Иной путь объяснения истории суффиксов -влак и -влä избрал Г. Рамстедт. Он отрицал финно-угорское происхождение обоих суффиксов. Г. Рамстедт писал так: «Хотя еще не доказано, однако можно с уверенностью предполагать, что в чувашском языке когда-то в качестве показателя множественного числа употреблялось * böläk > *wläk» (19: 59). О вероятности существования такого форманта в чувашском языке, согласно Г. Рамстедту, свидетельствуют -wlak (-wläk), а также -wla (-wlä), которые используются в диалектах марийского языка для обозначения множественного числа. Они восходят к древнему, весьма любопытному тюркскому слову böläk (тур. bölük «рота»), монгольскому böleg, bölüg «группа, толпа, орда, отдел, глава (в книге)».

Вопросом происхождения -влак и -влä из марийских языковедов первым интересовался Н. Т. Пенгитов. Очевидно, ему не были известны работы Э. Беке, Ю. Вихмана и Т. Утилы по данной проблеме. Поэтому он обратил внимание только на взгляды А. Аттина и Г. Рамстедта. В гипотезе первого Н. Т. Пенгитов согласился лишь в той части, где говорится об озвончении согласного п в интервокальном положении и после сонорных и о редукции ü в слове пүлä, в то же время он считал, что согласный к в качестве показателя множественного числа не мог присоединяться к слову пүлä, в лексическом значении которого уже заложена идея множественности. К тому же это слово в сочетаниях слов всегда является определением. Так что для его грамматикализации в марийском языке не было реальных условий. С доводами Н. Т. Пенгитова нельзя не согласиться. Относительно мнения Г. Рамстедта Н. Т. Пенгитов не высказывал никаких критических замечаний. Он ограничился лишь изложением мнения ученого по обсуждаемой проблеме.

Новым в теории Н. Т. Пенгитова является то, что он отделил -влак от суффикса -влä. При этом первый суффикс исследователем этимологически связывается с топоформантом -беляк, который присутствует в официальных названиях ряда марийских деревень и селений: Апшак-Беляк (Г.-М.), Параж-Беляк (Волж.), Апшак-Беляк, Арзе-Беляк, Иван-Беляк, Янаш-Беляк (Звен.), Апшак-Беляк (Медв.), Керебеляк (Морк.), Шуй-Беляк, Ядык-

Беляк, Кандаш-Беляк (Н.-Т.), Торай-Беляк, Одо-Беляк, Руж-Беляк, Токтай-Беляк (Куж.). К этой группе селений Н. Т. Пенгитов склонен отнести и Шойбулак в Медведевском районе.

Первую часть большинства приведенных местных названий составляют языческие или христианские собственные имена лиц мужского пола (Иван, Керей, Ядык, Янаш). Топооснову названий некоторых селений образуют нарицательные имена. Ими являются этнонимы (одо – марийское название удмуртов, руш – русский) или слова, обозначающие профессию (апшак < апшат «кузнец»). Вторая часть, выступающая как топоформант, в зависимости от фонетических условий и диалектов, в которых она встречается, в марийском языке имеет различные варианты произношения: беляк, пеляк, вылак, пылак, ср., например: Одывылак вм. Одо-Беляк, Рушпылак вм. Руж-Беляк и т.д. Н. Т. Пенгитов считал, что компонент -беляк в названиях селений имеет общее с суффиксом множественного числа -влак происхождение: Одо-Беляк → удмурты, Руж-Беляк → русские (в названии этой деревни, очевидно, имеются в виду не этнически русские, а скорее всего марийцы, принявшие русскую, православную веру), Ядык-Беляк → Ядыки. По мнению Н. Т. Пенгитова, в названиях марийских населенных пунктов, помимо -беляк, в качестве топоформанта употребляется слово полко «группа», которое первоначально обозначало «род, потомок»: Шелаболки (Г.-М.), Митри-полко (Звен.), Чодра-полко (Сов.). Ошибка языковеда состоит в том, что он объединил топоформанты -влак и -полко и производил их от неизвестного слова пұлүкү, означавшего «род, племя, потомок» (13: 86–88). Эту ошибку исправил И. С. Галкин. По его мнению, слово полко «отряд, группа» в марийском языке является русским заимствованием и по происхождению не связано с топоформантом -беляк.

Первоначально И. С. Галкин полагал, что формант -беляк восходит к исконному марийскому слову пулак «глухое место, глухой угол», которое до сих пор сохраняется в Моркинском районе и присутствует в названии дер. Шойбулак в Медведевском районе. Его основу составляет не собственное имя, как следовало бы ожидать из объяснения Н. Т. Пенгитова, а нарицательное слово финно-угорского происхождения шой «затененный, безветренный». Исходя из такого понимания, название Шойбулак И. С. Галкин расшифровывал как «затененное, безветренное место». Топоформант -булак в результате ряда фонетических изменений, по его мнению, совпал с суффиксом -влак в названиях других марийских селений (3: 63–64). Позднее, когда И. С. Галкин стал углубленно изучать марийскую топонимику, он убедился в том, что топоформанты -влак и -булак в географических названиях имеют разное происхождение. В названии дер. Шойбулак им были выделены основа Шой, представляющая собой широко распространенный гидроним, и формант -булак, который этимологически связывался с татарским булак (нужно было болак) «ручей». Так И. С. Галкин заключил, что Шойбулак означает «ручей Шоя или Шой» (4: 81; 6: 136), а дер. Шоя-Кузнецово в Медведевском районе – «Кузнецово на р. Шое» (6: 137). Но сама деревня расположена за селом Кузнецово приблизительно в 1,5-2 км от него. В данном случае дер. Шоя-Кузнецово должна этимологизироваться как «Заднее Кузнецово». По способу образования от названия дер. Шоя-Кузнецово не отличается и название дер. Шойбулак, в котором выделяются финно-угорский (ср., например, коми-зыр. сай «пространство, место за кем-, чем-либо») и тюркский (ср. тат. болак «ручей») компоненты. На их основе можно предположить, что Шойбулак означает «Заречье». Географическое положение деревни именно таково. Она основана за рекой М. Кокшага и ее притоком Ошла.

Относительно топоформанта -беляк, рассмотренного Н. Т. Пенгитовым, И. С. Галкин отмечал, что он первоначально употреблялся как самостоятельное слово и обозначал «родовую группу людей; участок земли, принадлежащий роду» (6: 25). Его появление языковед связывал с развитием частной собственности на землю у марийцев. Не трудно догадаться, что в таком объяснении имеет место смешение общественных формаций и соответствующих им типов этнических общностей. Род, безусловно, имел землю, но она находилась в общем использовании и не могла быть частной собственностью. Но сама мысль, что слово беляк означал «род, участок земли, принадлежащий ему», представляется заманчивой. Она могла быть исходной при исследовании истории суффикса -влак. Вместо этого И. С. Галкин отрицал этимологическую связь между топоформантом -влак и суффиксом множественного числа -влак, на что в свое время указывал Н. Т. Пенгитов. Кроме того, И. С. Галкин в отличие от своего предшественника суффиксы -влак и -влӓ относил, как было принято в традиционном финно-угроведении (см. выше), к разным вариантам одного показателя. Этот отход объективно приближал нашего исследователя к Г. Рамstedту, и все его рассуждения по существу были подчинены защите весьма шаткой гипотезы ученого, выраженной им достаточно осторожно, к тому же лишь в предварительной форме. Суффиксы -влак и -влӓ были возведены к древнетюркскому слову böläk «группа, отряд, орда» (3: 64; 5: 31), якобы заимствованному из чувашского языка, в котором оно могло употребляться в качестве суффикса множественного числа. Изменение фонетического облика предполагаемого чувашского суффикса в марийском языке И. С. Галкин объясняет, исходя из древнетюркского böläk, что методологически вряд ли оправдано. Согласно его мнению, фонема б чувашского оригинала на почве марийского языка заменилась сходной фонемой в, а гласный ö в безударном положении сначала подвергся редукции и после этого выпал; конечный к в восточном наречии сохранился, а в горном наречии произошло его отпадение под обобщающим влиянием суффикса -ла (-лӓ). В доказательство приводятся слова кугилӓ «березняк» и шапкилӓ «осинник». При этом считается, что горномарийский суффикс -влӓ, характеризующийся переднерядным ä, в отношении вокализма является более древним, чем соответствующий ему восточномарийский суффикс -влак (3: 64).

Отсутствие надежных лексических соответствий, общих для чувашского и марийского языков, объяснения И. С. Галкина ставит под сомнение. Правда, древнетюркское böläk «группа, отряд, орда» с точки зрения фонетической (по своему значению оно весьма далекое) можно сопоставить с чувашским словом пӱлӓх: «1) полотнище холста, достаточное на длину рубашки; 2) переднее или заднее полотнище рубашки». Но трудно предположить, чтобы эти значения чувашского слова могли быть основой для грамматикализации. Помимо этого, следует обратить внимание на то, что в рассуждениях И. С. Галкина не учтены факты исторической фонетики чувашского языка. В чувашском языке не было слов, в начале которых мог произноситься звонкий б. Он существовал, как показывают надгробные надписи, в болгарском языке до XIV в. (22: 133). После указанного времени этот согласный перешел в глухой п, который сохранился без изменений в чувашских заимствованиях марийского языка. Примеров на замещение п → в, о чем пишет И. С. Галкин, в марийском языке нет. Вопреки его мнению, в чувашском языке древнетюркский гласный ö не сохранился. Он, как и в других поволжских тюркских языках, регулярно переходил в узкий гласный ü, который в отличие от древнетюркского ü

законсервировался и не подвергался редукции (см. 21: 91; 16: 298-303)¹. В заимствованиях из чувашского языка конечный согласный к сохранился не только в восточном наречии (так думает И. С. Галкин), но и в горном. В работе М. Рясянена (20: 126, 187, 196, 205, 209 и др.) мы нашли около 10 слов, в исходе которых к (в одних словах оригинала ему соответствует к, а в других – х) произносится после переднерядных ä или z.

Таково современное состояние изучения вопроса о происхождении суффиксов множественного числа -влак и -влӓ в марийском языке. Исследователи, за исключением Н. Т. Пенгитова, едины в том, что -влак и -влӓ являются вариантами одного суффикса и восходят к двусложному самостоятельному слову, но они расходятся во мнении, каким было это слово по своему происхождению – финно-угорским или тюркским. Остались и другие вопросы, на которые не даны ответы в предшествующих исследованиях:

- 1) почему столь различны по звуковому составу -влак и -влӓ, рассматриваемые как варианты одного суффикса;
- 2) почему -влак как показатель множественного числа встречается только в восточном наречии, а -влӓ – только в горном и отчасти в северо-западном наречиях?;
- 3) почему -влак как топоформант встречается на луговой стороне, а на горной его нет?

Эти вопросы дают основания предположить, что суффиксы -влак и -влӓ имеют разное происхождение. Вот почему историю их образования следует рассматривать отдельно.

История суффикса -влак

Историю этого суффикса невозможно освещать без обращения к истории марийского народа. Длительное время все левобережье Средней Волги от р. Ветлуга до р. Вятка принадлежало пермскому населению. Постепенно в Ветлужско-Вятское междуречье стали продвигаться марийцы, первоначальная родина которых, как признается в последнее время, находилась в правобережье Средней Волги. Время, когда начался этот процесс, не совсем ясно, хотя некоторые археологи склонны считать, что миграция марийцев на восток началась уже VIII–XI вв. Но установлено, что массовый характер она приобрела после разгрома Болгарского государства монголо-татарами и после распада Золотой Орды. Марийцы на новую территорию двигались на юге по притокам р. Волга, а на севере – по р. Вятка. К XVII в. все Ветлужско-Вятское междуречье, заселенное до этого предками удмуртов, было освоено марийцами (14: 44–47), которые делились на отдельные роды. На новом месте каждый род жил в усадьбах-илемах. Они строились вблизи водоемов вокруг главы рода без особого порядка. Беспорядочная застройка жилищ в этнографии известна как кучевая. Она в Марийском крае господствовала до XVIII в. По соседству с марийцами или вперемежку с ними жили удмурты. Их марийцы обозначали заимствованным удмуртским словом бӧляк: «1) сосед, соседи; 2) родня, родственник, родственники». Соседние роды друг для друга действительно стали таковыми. В условиях постоянных взаимных контактов у них выработались общие черты в быте и обычаях, сохранившиеся до конца XVIII. Вот как об этом писал Г. Ф. Миллер: «У черемис и вотяков есть обыкновение:

1 См. также: Radlow W. Zur Geschichte des türkischen Vokalsystems // Известия императорской Академии наук, 1901. –Т. XIV, № 4. – С. 430.

ежели им на старых местах жить не покажется, то они сламывают иногда целые деревни или хором, строение переносят на новое место» (12: 7). В этих словах нет и намека на частную собственность, о чем писал И. С. Галкин в связи с объяснением значения слова беляк.

Первоначально словом беляк марийцы, должно быть, обозначали только удмуртов. Позднее они стали относить его и к членам своего рода, владевшим определенным участком земли. Их усадьбы постепенно переросли в деревни. Но они первоначально были небольшие. «Черемисские деревни, – писал Г. Ф. Миллер, – очень малы, и по большей части состоят из двух токмо или трех дворов...» (12: 6). Первыми жителями таких деревень, безусловно, были члены одного рода. Поэтому названия деревень по традиции составлялись из собственного имени главы рода-основателя нового поселения и слова беляк. Такая система наименования населенных пунктов на луговой стороне нашего края во многом сохранилась и в последующее время, когда местные жители стали переходить к уличной планировке. Этот переход наметился не ранее XVIII в., и под влиянием русского населения.

Отсутствие соответствия для удмуртского беляк в коми-зырянском языке скорее всего указывает на его заимствованный характер. К нему фонетически и семантически близко стоит древнетюркское слово böläk, значение которого (оно Г. Рамstedтом не приводилось), по всей вероятности, совпадало со значением «компания» (а не «рота», как обычно указывается в источниках) турецкого слова bölük. На почве удмуртского языка произошла переработка фонетического облика и семантики древнетюркского слова. В марийском языке сохранилось удмуртское значение тюркского слова. Но в нем значительному изменению подвергся звуковой облик заимствованного из удмуртского языка слова. Это объясняется особенностями фонетических систем двух языков. В названиях селений начальный согласный б оригинала перешел в глухой п (ср. удм. борд «стена» – мар. пырдыж «стена»), сохранившийся после глухих согласных, а после гласных произошло его озвончение. Безударный гласный удмуртского слова в одних марийских диалектах подвергся редукции, а в других – после редукции полностью оказался утраченным. Депалатализация л', очевидно, обусловлена особенностью консонантизма марийского языка, ср., например: Рушплак, Ядыкплак, Кандашплак; Одывллак, Торавлак, Токтавллак и т.д.

В заключение этой части изложения следует сказать, что в официальных названиях ряда марийских деревень, имеющих в своем составе -беляк, в качестве топоформанта выступает, вероятно, удмуртское заимствование.

При кучевой системе застройки жилищ началась массовая миграция марийцев на восток – в Прикамье и Приуралье. В основном это были выходцы с луговой стороны (14: 91–99). На их основе к середине XVIII в. сформировалась этнографическая группа восточных марийцев. Их соседями в основном были татары и башкиры. Это нашло отражение в языке, культуре и самосознании переселенцев. Словом -влак они стали объединять не только членов одного рода, как это было на прежней родине, а целую совокупность людей, позднее и предметов. Так произошло расширение его семантического объема. Частое употребление влак превратило его в показатель множественного числа. Новообразование оказалось весьма экспансивным и вытеснило из обращения достаточно быстро другие суффиксы множественного числа: -шамыч, -мыт, -ла, которые были известны марийцам до их переселения на восток (10: 89). К XIX в. восточном наречии, как

показывают диалектные записи зарубежных финно-угроведов, повсеместно употреблялся суффикс -влак. Его быстрому распространению способствовали следующие факторы:

- 1) марийско-татарское двуязычие;
- 2) нивелирующее влияние суффикса множественного числа соседних тюркских языков -лар (-läp), обобщенно обозначающего множество как однородную массу без ее дифференциации, характерной для марийского языка;
- 3) изменение самосознания восточных марийцев под влиянием чужого языка. На это указывал Н. И. Исанбаев (10: 89). На новой родине у восточных марийцев изменения произошли не только в самосознании, но и в мышлении. У них «изменилась концепция множественности» (2: 25).

Суффикс -влак имеет разные фонетические варианты. Изучая записи Ю. Вихмана, А. Генетца и Х. Паасонена, Т. Утила (23: 28) установил, что они зависят от фонетических условий: после гласных и сонорных (за редким исключением т, после которого появляется -βlak) употребляется -βlak, а после глухих к и т – -plak. Первоначальным вариантом он считал -βlak, который может выступать и после глухих согласных (*kalə̀kβlak* «народы», *jomakβlak* «сказки», *jeŋgatβlak* «ваши снохи»), а также после сонорных т и ɲ (*jeŋβlak* «люди», *iz'amβlak* «мои братья», *piemβlak* «мои собаки»).

Выпадение начального в в суффиксе -влак, отмеченное в отдельных говорах восточного наречия, могло быть обусловлено необходимостью устранения скопления согласных и принципом языковой экономии.

История суффикса -влä

Все предшествующие исследователи, за исключением Н. Т. Пенгитова, историю этого суффикса рассматривали вместе с историей суффикса -влак. Н. Т. Пенгитов отделил их друг от друга, но обратил внимание лишь на историю суффикса -влак, оставив без рассмотрения историю -влä. Т. Утила исходным для обоих суффиксов множественного числа считал суффикс -влä горного наречия. При объяснении его истории языковед исходил из праформы *vilvä, восстановленной Э. Итконеном на основе мордовских и саамских соответствий (примеры см. выше). Реконструкция Э. Итконена с точки зрения фонетической, можно сказать, является безупречной. Но значения, приписываемые ей, вызывают серьезные возражения. Здесь явно нарушен семантический принцип, который должен соблюдаться при внешних реконструкциях. Сопоставляемые мордовские и саамские слова, на основе которых восстанавливается семантика праформы, имеют конкретные, специальные значения. Значения «масса, множество» праформы по отношению к конкретным значениям мордовских и саамских соответствий являются достаточными отвлеченными, которые могли развиваться только в более позднее время. В ту отдаленную эпоху, в которую предполагается общность мордвы и саамов, для обозначения множества и массы использовались особые грамматические показатели. Они сохраняются и в современных мордовских и саамских языках. Поэтому при исследовании истории суффикса -влä праформа *vilvä и саамские примеры оказываются совершенно лишними.

Они только усложняют проблему. Ее можно решить, опираясь на данные мордовских языков.

Редуцированный гласный Е, который имеется в реконструкции *β9lä Т. Утилы, относится к числу поздних образований в горном наречии и восходит к *i. Поэтому предполагаемое слово должно было звучать как *βilä. Переход i > Е в горном наречии, называемый редукцией, по характеру своего проявления напоминает аналогичное изменение в низовом наречии чувашского языка. Такое типологическое сходство не может быть случайным. Оно, вероятно, свидетельствует о том, что в момент развития указанного фонетического процесса горные марийцы жили на правом берегу р. Волга несколько южнее, чем сейчас, и могли соприкасаться с мордвой. В мордовских языках гласный е во многих словах, в том числе и в приведенных выше, является результатом расширения i, ср. также, например: фин. *silmä* – морд. *s'el'm'e* «глаз». Поэтому современные эрзянское *v'el'e* и мокшанское *v'elä* (*v'el'ε*) можно возвести к общемордовской форме *vilä.

Таким образом, древние формы горного наречия и мордовских языков в принципе совпадают. Остается не совсем ясным, они представляют общее наследие или в горном наречии *βilä является мордовским заимствованием. Более правдоподобно второе предположение. Тогда возникает вопрос: с каким значением мордовское слово проникло в горное наречие? Значения «деревня, селения; приход» в мордовских словах, нужно полагать, появились достаточно поздно. Поэтому они должны быть исключены из заимствования. Значение «пчелиный рой» является весьма специальным. К тому же марийцам, издавна занимавшимся бортничеством, такое понятие, несомненно, было известно. Слово рой, бытующее в марийском языке, могло быть заимствовано из русского языка в самое последнее время. По всей вероятности, мордовское слово *vilä в горном наречии выражало значение «община» в соответствии с языком-источником. Лишь после аглютинации оно стало обозначать множество предметов как однородную массу без их дифференциации, характерной для лугового наречия. Определенную роль в этом обобщении мог сыграть суффикс множественного числа чувашского языка -сам (-сем).

Выпадение Е < i в суффиксе множественного числа можно объяснить двумя причинами:

- 1) постпозицией суффикса;
- 2) утратой ударения после редукции.

Т. Утила к суффиксу -βlä присоединял усилительную частицу -ак, которую он предполагал в восточномарийском -βлак. Это мнение является шагом назад по сравнению с его объяснением о происхождении горномарийского βelä и в принципе означает возвращение к идее, высказанной до него Ю. Вихманом.

1. Суффиксы множественного числа, традиционно рассматриваемые как варианты одного форманта, в действительности восходят к разным самостоятельным словам. Источником восточномарийского суффикса -влак является удмуртское бöляк, а источником горномарийского -влä – мордовское слово, первоначальный вид которого выглядел, по всей вероятности, как *vilä. Их, несмотря на различия в происхождении, объединяет общая семантика «собираемость».

2. Переход самостоятельных слов в суффиксы – это сложный и, несомненно, длительный процесс. В нем обычно выделяются три этапа:

1-й этап составляет синтаксическое словосочетание, которое состоит из самостоятельных слов;

2-й этап определяется как словосложение;

3-й этап заключительный. На данном этапе один из членов композита, утратив этимологическую связь с первым тождественным словом, приобретает способность присоединяться к другим основам, с которыми раньше не употреблялся, и во всех группах слов сохраняет одно обобщающее значение.

Эти этапы прошли как удмуртское бӧляк, так и мордовское *vilä, прежде чем превратиться в суффиксы множественного числа в горном и восточном наречиях марийского языка. На формирование их обобщающего значения определенное сглаживающее влияние могли оказать соседние тюркские языки, носители которых воспринимают множество как однородную массу. В результате этого влияния для горных и восточных марийцев множество перестало быть дискретным. Можно сказать, что у них в какой-то мере изменилось восприятие окружающей действительности. Очевидно, были правы В. Гумбольдт, Э. Сепир, Л. Вейсгербер, когда они писали, что язык в состоянии оказывать воздействие на мышление, поведение и мировоззрение не только отдельного человека, но и целого народа.

3. После агглютинации изменился звуковой облик самостоятельных слов. В обоих суффиксах произошла редукция гласных в безударном положении, одинаково закончившаяся диэрезой. Происходило как раз то, о чем в свое время писал Ф. Бопп – один из основоположников сравнительно-исторического метода: «... присоединенные суффиксы не всегда точно повторяют изменения, которые с течением времени осуществляются в соответствующих изолированных словах...».²

Сокращения

Районы:

Волж. – Волжский

Г.-М. – Горномарийский

Звен. – Звениговский

Куж. – Куженерский

Медв. – Медведевский

Морк. – Моркинский

Н.-Т. – Новоторъяльский

Сов. – Советский

2 См. Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Часть I. М., 1960. С. 35.

Говоры и языки:

- елаб. – елабужский говор марийского языка
- малм. – малмыжский говор марийского языка
- мар. – марийский язык
- морд. – мордовские языки
- тамиль. – тамильский язык
- тур. – турецкий язык
- фин. – финский язык

CDIFU – Congressus Decimus Internationalis Fenno-Ugristarum. –Йошкар-Ола, 2005
CQIFU – Congressus Quartus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars 1. –Budapest, 1975
FUF – Finnisch-ugrische Forschungen, Helsinki
JSFOu – Journal de la Société Finno-ougrienne, Helsinki
MSFOu – Mémoires de la Société Finno-ougrienne, Helsinki

Литература

- Аттин, А.: К вопросу о происхождении суффиксации множественного числа в марийском языке // Доклады АН СССР, № 10, 1928 (по 3).
- БЕРЕЦКИ, Г.: Взаимосвязь языков Волжско-Камского ареала // CDIFU. Pars I. Oratoriones plenariae. Йошкар-Ола, 2005. С. 5-53.
- Галкин, И. С.: Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Часть I. Йошкар-Ола, 1964. 203 с.
- Галкин, И. С.: Тайны марийской топонимики. Йошкар-Ола, 1985. 95 с.
- Галкин, И. С.: Марий йылмын исторический грамматикыже. Морфологий да синтаксис. Йошкар-Ола, 1986. 122 с.
- Галкин, И. С.: Кто и почему так назвал. Йошкар-Ола, 1991. 157 с.
- Грузов, Л. П.: О составе фонем сардаяльско-арборского говора марийского языка // Труды МарНИИ. Вып. XIII. Йошкар-Ола. С. 145–152.
- Иванов, И. Г. – Тужаров, Г. М.: Северо-западное наречие марийского языка. Йошкар-Ола, 1970. 216 с.
- Исанбаев, Н. И.: Говор елабужских мари (по итогам диалектологической экспедиции 1961 г.) // Вопросы диалектологии и истории марийского языка. Йошкар-Ола, 1964. С. 61–107.
- Исанбаев, Н. И.: Опыт классификации марийских диалектов вторичного образования // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. Т. 2. Москва: Наука, 1990. С. 88–90.
- Коведяева, Е. И.: Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам. Марийский язык. Москва: Наука, 1987. 160 с.
- Миллер, Г. Ф.: Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб., 1791. 101 с.
- Пенгитов, Н. Т.: Формы числа имен и особенности их употребления в марийском языке // Труды МарНИИ. Вып. X. Йошкар-Ола, 1957. С. 77–89.

- СЕПЕЕВ, Г. А.: История расселения марийцев. Йошкар-Ола, 2006. 200 с.
- УЧАЕВ, З. В.: Грамматические и лексические особенности малмыжского диалекта марийского языка // Труды МарНИИ. Вып. III. Йошкар-Ола, 1973. С. 72–83.
- ФЕДОТОВ, М. Р.: Этимологический словарь чувашского языка. Т. II. Чебоксары, 1996. 509 с.
- ВЕКЕ, Ö.: Cseremisiz nyelvtan. Budapest, 1911. 384 o.
- LAKÓ, Gy.: Mittel und Wege in den finnisch-ugrischen Sprachwissenschaft // CQIFU. Budapest, 1975. S. 19–47.
- RAMSTEDT, G. I.: Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. II. Formenlehre // MSFOu, 104: 2, 1952. 262 S.
- RÄSÄNEN, M.: Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen // MSFOu, XLVIII, 1920. XVI + 276 S.
- RÄSÄNEN, M.: Die tatarischen Lehnwörter im Tscheremissischen // MSFOu, L, 1923. 98 S.
- RÄSÄNEN, M.: Wortgeschichtliches zu den Sprachen der Wolga-Völker // FUF, XXVI, 1938. S. 125–143.
- UOTILA, T. E.: Zwei Pluralcharaktere // FUF, XXIX, 1946. S. 27–31.
- WICHMANN, Y.: Beiträge zur tscheremissischen Nominalbildungslehre // JSFOu, XXX⁶, 1913. –S. 1–42.